

Уральский
федеральный
университет

имени первого Президента
России Б.Н.Ельцина

Институт
гуманитарных
наук и искусств

ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Учебно-методическое пособие

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Рекомендовано методическим советом УрФУ
в качестве учебно-методического пособия для студентов,
обучающихся по программе магистратуры
по направлению подготовки 032700 «Филология»

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2015

ББК Ш1вя7
И907

Составитель
О. В. Мищенко

Рецензенты:
кафедра общего языкознания и русского языка
Уральского государственного педагогического университета
(заведующий кафедрой доктор филологических наук,
профессор Т. А. Г р и д и н а);
М. Н. Г а ф у р о в а, кандидат филологических наук,
лингвист-аналитик Департамента разработки баз данных
и функционала Системы Консультант-Плюс
ЗАО «Консультант Плюс-Программные Технологии»

Научный редактор
М. Э. Р у т, доктор филологических наук, профессор

История и методология языкознания : [учеб.-метод. по-
И907 собие] / [сост. О. В. Мищенко ; науч. ред. М. Э. Рут] ; М-во
образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. –
Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 64 с.

ISBN 978-5-7996-1480-5

Учебно-методическое пособие нацелено на организацию самостоятельной работы студентов в рамках курса «История и методология языкознания», читаемого в Уральском федеральном университете. Основную часть пособия составляют сведения о литературе для самостоятельного чтения с научными и методическими комментариями автора. Кроме того, в пособие включены изложение краткого содержания курса, задания для домашних творческих работ и вопросы для самостоятельной подготовки.

Для магистрантов филологического факультета УрФУ.

ББК Ш1вя7

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Содержание курса	6
Литература для самостоятельного чтения	14
Лингвистическая эпистемология	14
Генеративизм и генеративные грамматики	17
Модели искусственной языковой способности.	
Отечественная генеративная модель «Смысл ↔ Текст»	23
Психолингвистика	26
Ономасиология (теория номинации)	28
Языковая картина мира	32
Тартуско-московская семиотическая школа	34
Специфика современной парадигмы языкознания	38
Когнитивная лингвистика	39
Прагматика	44
Современная семантика	50
Список текстов к коллоквиуму	54
Задания для домашних творческих работ	56
Примерный список вопросов к экзамену	60

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые магистранты, наш курс, помимо аудиторных занятий, предполагает самостоятельное чтение вами довольно большого объема научной литературы по изучаемым областям языкознания. Главная задача настоящего пособия – помочь вам в этом вопросе. Для этого в пособие включены библиографические сведения о выбранных для чтения работах по той или иной теме курса, а также представлены комментарии к предлагаемым вашему вниманию научным текстам. Эти тексты в большинстве своем достаточно сложные (и это хорошо!), поэтому сделать комментарии показалось мне очень полезным. Работа над комментариями была связана с желанием оптимизировать вашу деятельность по чтению и осмыслению прочитанного: в каких-то случаях, на мой взгляд, была необходимость более четко обозначить авторскую логику, в каких-то – дать дополнительные пояснения в отношении тех или иных терминов, понятий и мыслей, а также соотнести друг с другом идеи разных авторов и, казалось бы, совершенно разные исследовательские области. Кроме того, комментарии содержат вопросы и замечания, предполагающие ваше самостоятельное размышление над прочитанным, выработку собственного критического взгляда в отношении той или иной работы, той или иной исследовательской области и, смею надеяться, провоцирующие на диалог – с автором статьи, с научным направлением, с преподавателем, с однокурсниками. Остается добавить, что с помощью комментариев я старалась вписать ваше чтение в контекст наших аудиторных занятий. Надеюсь, все это позволит сформироваться в вашем сознании многоплановой, но в то же время и единой картины научного процесса. Пожалуйста, пользуйтесь комментариями при подготовке!

Большинство обсуждаемых в пособии текстов выносятся на коллоквиумы, однако есть некоторые исключения – обратите на это внимание! Бывают случаи, когда понимание работы невозможно

(а чтение ее бессмысленно) без предварительного серьезного знакомства с соответствующей исследовательской областью, поэтому по некоторым темам приводятся работы, предназначенные для предварительного – по отношению к основной работе – чтения. Такое – предварительное – чтение необходимо, если вы не были на лекции или недостаточно хорошо поняли лекционный материал. Все подобные случаи оговариваются в комментариях. Кроме того, в заключение раздела, посвященного литературе, приводится общий список работ, выносимых на коллоквиумы.

Помимо оптимизации чтения, пособие преследует еще ряд задач. Приведенное в самом начале краткое содержание курса поможет вам сориентироваться в его объеме и фактическом наполнении. На финальном этапе освоения материала вам будут предложены две домашние творческие работы. Задания к ним также приводятся в пособии. Представленные в самом конце пособия общие вопросы по курсу помогут вам подготовиться к экзамену. Обращаю ваше внимание, что экзаменационные вопросы предполагают проявление вами как знания изученных фактов, так и самостоятельности в осмыслении пройденного материала.

СОДЕРЖАНИЕ КУРСА

Методологические проблемы языкознания рассматриваются в курсе на базе анализа лингвистических направлений второй половины XX – начала XXI в. (генеративной лингвистики, психолингвистики, теории номинации, языковой картины мира, когнитивной лингвистики, прагматики, семантики и др.). Отдельный раздел курса посвящен проблемам, задачам и наработкам лингвистической эпистемологии. Обсуждаемые в курсе лингвистические направления структурированы в соответствии с парадигмальным подходом к истории языкознания. Внимание уделяется как общим тенденциям развития лингвистики в рамках той или иной парадигмы, так и специфическим чертам отдельных научных направлений; делается попытка проследить взаимосвязь и преемственность между разными периодами в истории языкознания, вписать то или иное направление в исторический научный контекст, представить и оценить характерные для него исследовательские установки и методы. Обсуждаются проблемы взаимоотношения «старого» и «нового» в современной лингвистике; особое внимание уделено современному состоянию традиционных лингвистических направлений.

Раздел 1

Эпистемологические поиски в лингвистике

Эпистемология науки и ее основные задачи. Понятие предмета и объекта науки. Понятие научной модели. Предмет и модель как исторические категории. Смена предмета науки в истории языкознания. Понятие эпистемологии. Понимание лингвистами необходимости лингвистической эпистемологии.

«Синхронная» эпистемология в лингвистике. Задачи лингвистической эпистемологии по отношению к конкретному периоду развития науки (взгляды Р. М. Фрумкиной).

«Диахронная» эпистемология в лингвистике. Модели развития научного знания и их применимость к лингвистической науке. Концепция научных парадигм Т. Куна; целесообразность ее использования лингвистической эпистемологией. Специфика развития лингвистической науки. Периодизация истории языкознания с точки зрения парадигмального подхода; основные характеристики каждой научной парадигмы.

Раздел 2

Период «генеративной» парадигмы в языкознании (1960–1980-е гг.).

Сферы интересов лингвистики этого периода

Генеративизм в истории языкознания. Кризис структурализма, его причины. Генеративный подход к языковым явлениям как новый взгляд на предмет и задачи лингвистики (ментализм). Генеративная грамматика Н. Хомского. Теория врожденных идей. Оценка теорий Н. Хомского. Понятие «генеративной революции». Оценка роли генеративизма в истории языкознания. Возможные направления развития генеративных идей: создание грамматик «активного» типа; моделирование искусственной языковой способности; развитие психолингвистики.

Модели искусственной языковой способности. Отечественная генеративная модель «Смысл ↔ Текст». Своеобразие модели. Ее устройство и функционирование; ориентация на решение прикладных задач. «Теоретические» и «практические» итоги работы над моделью; причины «неполной» результативности в отношении поставленных прикладных задач.

Психолингвистика. Суть психолингвистического подхода в 1960–1980-е гг.: интерес к природе речевой деятельности и к организации языковой способности человека. Выкристаллизовывание таких интересов в ходе развития языкознания. Основные линии развития, подходы и задачи психолингвистики 1960–1980-х гг. Основные психолингвистические традиции в науке этого периода: американская, советская (теория речевой деятельности), европей-

ская; специфика каждой из традиций. Современная психолингвистическая проблематика: расширение интересов и задач направления, пересечение с предметными полями других направлений, размывание границ. Оценка этой ситуации.

Теория номинации (ономасиология). Процесс наименования объектов как предмет ономасиологических интересов. Ситуация номинации. Механизм отображения объектов реальной действительности в сознании. Гносеологический, семиотический и лингвистический аспекты номинации. Обусловленность характера номинации различными компонентами номинативной ситуации. Взгляд на язык как на классификатор человеческого опыта. Ономасиология как одно из проявлений менталистского подхода к языковым явлениям.

Языковая картина мира. Различные интерпретации понятия «языковая картина мира». Соотношение понятий «картина мира» и «языковая картина мира». Возможные языковые проявления национального способа видения мира (с учетом разных интерпретаций понятия «языковая картина мира»): внутренняя форма слова; характер и объем лексического значения; салиентность/несалиентность признаков; структура семантического поля и др.; ограничения на фиксацию представлений о действительности, накладываемые языком. Методы и приемы анализа языковых явлений, направленные на экспликацию языковой картины мира. Дискуссия 1970-х гг. вокруг понятия «языковая картина мира» (Колшанский, Серебренников и др.): аргументы против, анализ и оценка этих аргументов. Современный взгляд на эту проблему: дискуссия А. Павловой и А. Шмелева; позиция «западной» лингвистики. Трудности лингвистического анализа при экспликации картины мира: проблема искажения результатов и способы ее преодоления (разграничение хронологически различных фактов; фактов разных форм существования языка и т. п.).

Тартуско-московская семиотическая школа. Лингвистика и семиотика. Семиотический подход к явлениям культуры; культура как семиотическая система. Изоморфизм языковых и культурных феноменов; неполнота изоморфизма. Трактовка понятия «текст»

в семиотике культуры. Изоморфизм таких явлений, как текст, культура и сознание. Семиотика как картина мира. Возможность интерпретации понятия «языковая картина мира» с опорой на понятие языкового культурного кода. Понятие семиосферы; семиосфера как научная модель, отражающая семиотическую природу человека.

Итоги периода «генеративной» парадигмы. Научные достижения лингвистики этого периода. Внутренний кризис лингвистики; причины кризиса. Проблема выхода из кризиса.

Сохранение «старых» направлений в лингвистике этого периода (сравнительно-историческое направление; структурализм).

Раздел 3

Период «постгенеративной» парадигмы в языкознании (с 1990-х гг.)

Современная лингвистическая парадигма. Парадигмальные черты современной лингвистики: экспансионизм, антропоцентризм, функционализм, экспланаторность и др. Принципы изучения языка в современном языкознании: антропоцентрический, системно-структурный и историко-генетический подходы к языковым явлениям. Проблема и опыт взаимодействия различных подходов. Проблема каузации языковых явлений с точки зрения различных подходов. Методологические поиски в современном языкознании.

Когнитивная лингвистика. Причины интереса когнитологии к данным лингвистики. Роль языка в организации знаний. Соотношение структур языка и структур сознания – основной фокус интересов когнитивной лингвистики. Основные проблемные сферы когнитивной лингвистики: решение вопроса об организации ментальных структур и механизмов на базе языковых данных; объяснение причин той или иной организации языка; поиски ответов на вопрос о роли языка в структурировании знаний. Узкое и широкое понимание когнитивной лингвистики.

Некоторые направления когнитивной лингвистики.

К о г н и т и в н а я с е м а н т и к а. Категоризация и концептуализация как основные механизмы обработки информации

мозгом. Отражение этих механизмов обработки информации в языке. Теория категоризации Э. Рош: наивные и научные категории; прототипический эффект; уровни категоризации. Подход к проблеме категоризации «от языка»: исследования Р. М. Фрумкиной и ее школы. Выводы Фрумкиной об организации языковой семантики и о характере представленности значений слов в сознании человека. Проблема адекватного лексикографического описания.

Понятие концепта с точки зрения когнитологического подхода. Механизм процесса концептуализации. Взаимосвязь слова и концепта как одна из составляющих проблемы взаимосвязи языка и мышления. Противопоставление когнитивного и культурологического подхода к проблеме концепта. Экспликация концепта по данным языка. Взаимосвязь механизмов концептуализации и категоризации.

К о г н и т и в н а я г р а м м а т и к а. Тенденция к семантизации грамматики в современном языкознании. Основные интересы когнитивной грамматики: выявление причин того или иного устройства грамматической системы языка; выход от грамматической системы языка к структурам и механизмам сознания, лежащим в основе формирования этой системы; вопрос о влиянии грамматики языка на процесс познания окружающей действительности и на процесс организации знаний в голове человека. Сложности, с которыми сталкивается лингвист при изучении грамматических систем с когнитивных позиций: возможность отражения однотипной семантики в разных языках с помощью разных грамматических категорий; наличие грамматических фактов, появление которых объясняется не семантическими причинами, а языковой «техникой» и т. п.

Некоторые примеры когнитивного подхода к грамматическим явлениям: природа грамматической системы языка (Л. Талми); организация системы частей речи (Е. С. Кубрякова); организация падежной системы (В. А. Плунгян). Оценка этих гипотез.

К о г н и т и в н о е с л о в о о б р а з о в а н и е. Подход к производному слову как к свернутой пропозиции. Структура производного слова с этой точки зрения. Понимание словообразователь-

ного процесса как когнитивного процесса, связанного с взаимодействием категорий. Когнитивная интерпретация процессов транспозиции.

К о г н и т и в н а я о н о м а с и о л о г и я. Изначально когнитивный пафос отечественной ономазиологии. Представления современной науки о наличии закономерностей в номинативном процессе, обусловленных закономерностями процесса познания. Понятие «номинативного пространства языка». Понятия «правой» и «левой» мотивации (С. М. Толстая) как отражающие закономерности в устройстве номинативного пространства языка. Проблема различной сегментации номинативного пространства. «Ономазиологическое портретирование» (М. Э. Рут, Е. Л. Березович) как подход, отражающий закономерности номинативного процесса. Тенденции развития когнитивного словообразования и когнитивной ономазиологии.

П о д х о д к о п и с а н и ю я з ы к о в ы х к а т е г о р и й к а к е с т е с т в е н н ы х. Оценка этой позиции. Совмещение системоцентрического и антропоцентрического подходов при описании языковых категорий как одна из методических находок современного языкознания.

Лингвистическая прагматика. Прагматика как междисциплинарная область. Узкое и широкое понимание прагматики. Фигура говорящего как фокус интересов лингвистической прагматики.

Интенции говорящего; способы их выражения; приспособленность языка для их реализации. Зависимость выбора языковых средств от интенций говорящего. Арсенал средств разных языковых уровней, в которые «вмонтировано» отношение субъекта: лексика с прагматической коннотацией, «модальные» слова, аффиксы, грамматические средства, порядок слов, интонация и пр.

Дейктическая лексика как средство для организации акта коммуникации говорящим от своего имени. Понятие дейксиса. Основные свойства дейктической лексики.

Трудности, связанные с лексикографическим описанием дейктической лексики и лексики с прагматическим компонентом в семантике слова.

Понятие перформатива. Прагматический эффект перформативной лексики.

Способы манифестации говорящего в тексте, их зависимость от режима повествования (дискурсивного/нарративного). Проблема точки зрения говорящего как прагматическая проблема.

Соотношение прагматики и традиционных лингвистических дисциплин (фонетики, словообразования, морфологии, синтаксиса, семантики). Размытость границ прагматики в рамках лингвистики.

Некоторые дисциплины, оформившиеся в рамках прагматики.

Теория речевых актов. Аспекты речевого акта: локутивный, иллюкутивный, перлокутивный. Типы речевых актов с позиции иллюкутивных намерений. Проблема взаимной проекции иллюкутивных намерений и перлокутивных эффектов: правила речевого взаимодействия людей; успешность/неуспешность речевого акта; косвенные речевые акты.

Прагматическая теория значения.

Общая размытость границ прагматики, выход за пределы лингвистики, широта проблематики.

Лингвистическая семантика. Современные тенденции в лингвистической семантике.

Некоторые подходы и проблемы современной семантики.

Описание не предметной лексики: конструирование толкования на базе семантических примитивов. Подход московской семантической школы (МСШ). Исследовательские принципы МСШ: предикаты и модальные слова как объект семантического описания; синхронный подход; моделирование языковой составляющей сознания современного носителя языка; установка на реконструкцию языковой картины мира; принцип интегральности. Метаязык семантического описания; понятие семантического примитива. Толкование семантики в рамках ситуационной (сентенционной) формы: оценка такого подхода. Лексика языка как система: а) классификационная; б) операциональная. Общая оценка деятельности МСШ; дискуссионный характер ряда положений.

Иные возможные способы описания значений слов: разные взгляды на способ описания и на природу примитивов (подход А. Вежбицкой и др.). Проблема статуса семантических примитивов; проблема монолитности лексического значения.

Проблема семантического описания предметной лексики. «Антропоцентрический» подход А. Вежбицкой.

Проблема разграничения семантики на языковую и неязыковую. Варианты интерпретации этих понятий. Динамика взглядов на это соотношение.

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ

Лингвистическая эпистемология

1. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 144–171. Ч. 1 : Задачи работы ; ч. 2 : О понятии парадигмы научного знания.

2. Фрумкина Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 74–95.

Обе исследовательницы в своих работах пишут о том, что во второй половине XX в. в лингвистике сменился подход к изучению языка. Ученые стали по-другому понимать, что есть язык, т. е. под каким углом зрения на него смотреть, какой угол зрения считать наиболее значимым, перспективным для современных исследований, наиболее достойным внимания, какой научной модели языка отдавать предпочтение.

- Обратите внимание, что и у Кубряковой, и у Фрумкиной особо акцентируется ценностный подход к проблеме изменения предмета исследования: новый предмет науки отличается от старого, кроме всего прочего, еще и тем, что ученые именно его считают на сегодняшний день значимым и важным. Такое внимание авторов к ценностной составляющей научного процесса полностью перекликается с концепцией развития научного знания Т. Куна. (Парадигмальную теорию Т. Куна мы обсуждали на лекциях.) Во всех этих рассуждениях оказывается чрезвычайно любопытным, как связаны личностные психологические характеристики ученых и развитие науки.

- Авторы показывают, что такое изменение положения дел в науке самым явным образом выводит к вопросам эпистемологии, потому что оно:

- а) требует осмысления;
- б) требует объяснения;
- в) требует изменения подхода к организации теоретической базы науки.

Вот об этом авторы и размышляют, каждая по-своему.

Статья Е. С. Кубряковой написана сложным языком (будьте к этому готовы!), но у нее и более глубинные теоретико-философские задачи, нежели у статьи Р. М. Фрумкиной. В первой части своей работы («Задачи работы») исследовательница рассуждает о том, в чем она видит задачи статьи, и это сразу выводит ее на формулировку эпистемологических проблем.

Во второй части работы («О понятии парадигмы научного знания») Кубрякова обсуждает «парадигмальную» теорию развития науки Т. Куна и возможность применения ее к истории языкознания. Обсуждаются аргументы за и против, делается вывод о специфике (своеобразии) парадигмального членения именно лингвистики (по сравнению с другими науками).

Также Кубрякова детализирует понятие научной парадигмы, выделяя три ее составляющих: 1) установочно-предпосылочную; 2) предметно-познавательную; 3) процедурную, или техническую. Ваша задача – понять, для чего это делается и что стоит за каждой составляющей.

Кроме того, из статьи в целом можно понять, в чем автор видит преимущества приложения парадигмального подхода к лингвистике и почему автору импонирует такой подход.

Статья Р. М. Фрумкиной проще, но там нет такой четкости в постановке задач, как у Кубряковой. Цель Фрумкиной – показать, что эпистемологическая проблематика существует, а также заставить ученых задуматься над необходимостью ее осмысления. Именно с этих позиций нам и надо прочитать статью. (Лишние подробности можно оставить в стороне.)

• В первой части Фрумкина очерчивает цель статьи – обратить внимание читателей на важные эпистемологические проблемы.

- Во второй части – выделяет задачи эпистемологии (на лекции мы это называли задачами «синхронной» эпистемологии), приводя примеры из истории лингвистики. Примеры нужны для того, чтобы прояснить содержание задач и показать, что эпистемологические проблемы действительно существуют.

Здесь же обсуждается тезис о том, что «нормализованной» науке чужда методологическая рефлексия. Мы об этом немного говорили на лекции. Тезис нужно понять и уметь прокомментировать.

- Третья часть призвана проиллюстрировать реальность факта появления нового взгляда на язык как на объект исследования во второй половине XX в.

- Четвертая часть посвящена понятию «концепт». Эта часть – просто иллюстрация того, как по-разному можно конструировать предмет исследования. (Концепт здесь выступает только лишь как пример нового предмета исследования.)

- Пятая часть посвящена проблеме метода в науке. Фактически эта часть – рассказ о том, что существует метод и что он обязателен в науке. Вместе с тем это и рассказ о том, что метод приводит к догматичности мышления, если им пользоваться «вообще», не обращая внимания на нюансы научной задачи, на своеобразие исследовательской ситуации в каждом конкретном случае.

3. *Алпатов В. М. Критика лингвистического структурализма // Алпатов В. М. История лингвистических учений : учеб. пособие. М., 1998. Разд. : Лингвистические идеи книги «Марксизм и философия языка». С. 267–272.*

Предлагаемая глава из учебника Алпатова – это наиболее оптимальный способ (в плане соотношения количества и качества текста) познакомиться с интерпретацией истории языкознания, которую дают В. Н. Волошинов и М. М. Бахтин. Но при желании возможны и другие варианты решения задачи: а) можно прочитать непосредственно книгу М. М. Бахтина и В. Н. Волошинова «Марксизм и философия языка»: ее вторую часть, посвященную проблеме развития лингвистики; б) можно познакомиться с книгой

В. М. Алпатова «Волошинов, Бахтин и лингвистика» (М., 2005), посвященной этой проблематике.

Суть проблемы. Взгляды Волошинова и Бахтина на историю лингвистики можно интерпретировать как вариант парадигмального членения. Сами авторы, конечно, этими терминами не оперируют, но ваша задача – увидеть в их представлениях возможность парадигмальной интерпретации. Необходимо выявить принципы, на базе которых авторы проводят членение, и результаты этого членения, а также оценить авторскую позицию и соотнести ее с традиционным делением на парадигмы, которое мы обсуждали на лекции.

Генеративизм и генеративные грамматики

Н. Хомский: генеративная грамматика; теория врожденных идей

1. Генеративная лингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 98–99. (Текст на коллоквиум не выносится.)

Здесь в основном рассматриваются формальный аппарат генеративистской теории и те понятия, которыми оперируют генеративисты, разрабатывая свои идеи. Обзор дается кратко, но ясно и по существу. (Примерно об этом рассказывалось на лекции. Если в плане понятий и терминов вам все ясно, то Лингвистический энциклопедический словарь (далее – ЛЭС) можно не читать.) Это необходимая «материальная база», на которую затем можно будет наложить все теоретические построения и философские умозаключения, встречающиеся в работах Алпатова и Кубряковой (см. ниже).

2. *Алпатов В. М.* Ноам Хомский // Алпатов В. М. История лингвистических учений : учеб. пособие. М., 1998. С. 309–323. (Текст на коллоквиум не выносится.)

• В начале раздела автор говорит о кризисе структурализма в США, довольно подробно разбирая его причины. Для нас это важный момент, так как мы можем проследить, как и почему одна

парадигма сменяется другой, насколько это «революционный» (если вспомнить Т. Куна) процесс и можно ли было его избежать.

• Далее Алпатов последовательно передает краткое содержание трех работ Хомского, активно его цитируя. Это работы:

а) «Синтаксические структуры» (1957);

б) «Аспекты теории синтаксиса» (1965);

в) «Язык и мышление» (1968).

Фактически все эти работы об одном и том же – о концепции генеративизма (и это очень хорошо видно по тексту главы), но в них представлена динамика взглядов на проблему – развитие, расширение разных аспектов.

Необходимо понять и осмыслить следующие идеи:

– что такое генеративизм; каковы задачи этого направления;

– что такое генеративная грамматика, в чем ее суть;

– что такое *компетенция* и *употребление*; зачем вводятся эти термины;

– какова методология, используемая в рамках этого подхода. (Особо обратите внимание на рассуждение о подходах «Грамматики Пор-Рояля» и о картезианском подходе в лингвистике, а также о том, как именно будет строиться генеративная модель, т. е. каким образом из *употребления* ученый собирается «вытаскивать» *компетенцию*. Будьте внимательны! Это прописано очень нечетко.);

– что означает выражение «*творческий*» *характер языка*;

– как рассматриваемое направление вписывается в исторический лингвистический контекст (соотнести 1) с идеями «Грамматики Пор-Рояля», 2) с идеями В. Гумбольдта, 3) с концепциями бихевиористов и структуралистов);

– что такое генеративная грамматика конкретного языка и универсальная генеративная грамматика;

– как, по мысли Хомского, связаны язык и психология;

– каковы, согласно Хомскому, перспективы развития генеративного направления и перспективы развития лингвистики вообще.

• Алпатов нигде не пишет прямо и подробно о теории врожденных идей Хомского, но «аллюзии» к ней обнаруживаются в его тексте. Прежде всего, это касается тех мест, где он вспоминает

а) Декарта, б) ребенка, овладевающего языком, в) «выбор» грамматики. Чтобы увидеть эти «аллюзии» и понять, о чем говорит автор, необходимо ознакомиться с текстом Е. С. Кубряковой, где она специально останавливается на теории врожденных идей.

• В заключение Алпатов немножко говорит о резонансе, которое имело это направление (в частности, обратите, пожалуйста, внимание на разговор о модели «Смысл ↔ Текст»), а также о тех положительных моментах и изменениях в развитии лингвистики, которым она обязана концепции Хомского (к этому месту надо отнестись очень внимательно, так как фактически здесь идет речь о закладке фундамента для следующей парадигмы).

3. *Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука XX века. М., 1995. Ч. 3 : Генеративная грамматика как особая парадигма лингвистического знания. С. 184–206.*

Третья часть уже известной нам статьи Кубряковой, в свою очередь, состоит из трех частей. Разберем каждую из них.

1. «Новое видение языка и задач теоретической лингвистики в генеративной грамматике». В этой части Кубрякова пытается показать, что переход к генеративизму – это, действительно, смена научной парадигмы, что такое направление, как генеративизм, обладает всеми чертами новой парадигмы. Эти черты:

а) своеобразие установок: менталистский подход к языку; рационалистический подход взамен индуктивного, т. е. построение теории, построение гипотезы на базе умозаключения;

б) своеобразие предметной области: синтаксис, семантика, грамматика как ментальная составляющая;

в) своеобразие процедур анализа: формализация данных, в частности, формализация фактов генеративной грамматики. (Имеется в виду, что приверженцы генеративного подхода всем компонентам, всякого рода структурам – семантическим, грамматическим и пр., всем закономерностям пытаются дать формальное описание. Обратите внимание, что такой тип описания обеспечивает преимущество этому подходу при компьютерном моделировании языковой способности, интеллекта и пр.).

В целом получается, что генеративная парадигма знания была резко противопоставлена тому, что ей предшествовало (дескриптивизм в лингвистике и бихевиоризм в психологии).

Вот это все надо понимать и уметь объяснить.

• На с. 175 выделяются пять отличительных черт новой парадигмы знания:

1) провозглашение приоритета гипотетико-дедуктивного подхода к языку взамен чисто эмпирического, индуктивного;

2) помещение в центр грамматики уже не фонологии и морфологии, а синтаксиса и синтаксических отношений;

3) положение о творческом, креативном характере деятельности с языком и необходимость изучать именно эту сторону деятельности говорящих;

4) признание семантического компонента как неотъемлемого компонента грамматики и грамматического описания языка;

5) рассмотрение языка как феномена ментального, феномена психики человека.

Необходимо понять, о чем тут идет речь, и уметь разворачивать каждый из этих тезисов.

В целом можно сказать, что все эти черты новой парадигмы – это то «хорошее», что подарило новое учение лингвистике. В том или ином виде выделенные Кубряковой черты перекликаются с пониманием «положительной» стороны генеративизма Алпатовым. В сумме – это ответ на вопрос о той составляющей генеративной теории, которая оценивается научным миром положительно.

Обратите внимание на еще один момент. Для Кубряковой, да и для Алпатова тоже, важно не просто описать генеративизм сам по себе, но показать, какое место он занимает в истории лингвистики как по отношению к предшествующим направлениям, так и по отношению к будущему состоянию науки (т. е. к тому, которое мы имеем в настоящий момент). Для нас это тоже очень важно, потому что генеративизм в целом, действительно, сыграл серьезную (а возможно, и основополагающую) роль в становлении современного состояния науки.

• В обсуждаемой части Кубрякова особо останавливается также на следующих моментах:

– что такое рационализм и какое место он занимает в науке; в чем его значение для науки вообще и какое место он занимает у Хомского. Кубрякова описывает разные черты проявления рационализма в концепции Хомского: это и сама методика научной работы, предполагающая построение теории/гипотезы, и представление о том, как человек овладевает языком – ср. фрагмент про врожденные идеи. Тезис о врожденных идеях тоже связан с рационалистическим подходом к проблеме познания. Любопытно, что Хомский тут как бы ставит в один ряд и деятельность ученого, и деятельность простого обывателя, усваивающего язык, потому что и то и другое – это есть познавательный процесс;

– генеративный подход создает связь лингвистики и психологии;

– генеративный подход создает сдвиг интереса исследователей в сторону семантики, а это очень важно. (Почему, как вы думаете?);

– генеративный подход демонстрирует возможность формализации грамматического и семантического компонентов. (Необходимо понять, что именно за этим стоит и почему это важно.)

2. «Язык как когнитивная составляющая человеческого мозга и роль генеративных грамматик в становлении когнитивной науки». Здесь еще раз разворачивается тезис о том, какой «язык» Хомский собирается изучать, что есть для него «язык», подчеркивается менталистский характер его интересов.

Этой частью Кубрякова пытается доказать – и, на мой взгляд, весьма удачно, – что учение генеративистов (и в большой степени самого Хомского) заложило основания для рождения и последующего развития так называемой когнитивной науки, или когнитологии. (Сама Е. С. Кубрякова была настоящим лингвистом-когнитологом, поэтому ее мнение, безусловно, заслуживает нашего внимания. В связи с этим полезно вспомнить, что *когнитология*, или *когнитивная наука* (не путать с когнитивной лингвистикой!), – это наука о том, как происходит процесс познания человеком окружающей действительности, и о том, как все эти знания организуются у человека в голове. То есть фактически это наука о том, как мы взаимодействуем с миром при помощи нашего мозга. *Когнитивная лингвистика* – это составляющая когнитологии, связанная

с собственно лингвистическим материалом. Более подробно об этом мы будем говорить во второй части нашего курса.)

Кубрякова акцентирует два момента:

а) она показывает, что у самого Хомского в большой степени уже присутствовали эти «когнитивные» начинания, и пытается в той или иной степени их охарактеризовать (это положительно оцениваемая часть его учения);

б) она утверждает, что с очень многими положениями Хомского современная наука не согласна, что очень многие – практически все! – его положения теперь отрицаются. И на базе этого отрицания (т. е. на базе отрицания своих собственных начал) наука развивается; это и создает движение, развитие науки. Таким образом, по Кубряковой, когнитология выросла из генеративизма, а затем в результате спора классического генеративизма и «новой» когнитологии получилось так, что сам классический генеративизм стал занимать в ней лишь отдельную – весьма небольшую – нишу.

В силу этого нам важно понять, какие же претензии предъявлялись к генеративизму или, иными словами, в чем заключается отрицательная оценка генеративизма современной наукой. Кубрякова бросает в некоторых местах своего текста замечания на этот счет – попробуйте их собрать.

3. «Проблема онтогенеза речи как важнейшая теоретическая проблема генеративной грамматики». Здесь обсуждается так называемая *теория врожденных идей* Н. Хомского. Суть ее в том, что, по Хомскому, языковая компетенция в том или ином виде заложена в голову ребенка изначально, т. е. как характерная особенность биологического вида *Homo sapiens*, а не приобретаетсЯ в процессе социализации, т. е. в процессе жизни в человеческом социуме. Тут важно понять:

- как Хомский это доказывает;
- как он видит механизм работы этой ментальной способности: что именно изначально заложено в мозг, а что приобретаетсЯ в процессе социализации; как «включаетсЯ» эта способность у ребенка и т. п.;
- что современная наука думает по этому поводу; как она оценивает теорию Хомского.

• В конце этой части Кубрякова еще раз пытается дать оценку хомскианскому подходу. А нам надо еще раз обратить на это внимание.

Модели искусственной языковой способности. Отечественная генеративная модель «Смысл ↔ Текст»

Апресян Ю. Д. Модель «Смысл ↔ Текст» и история ее разработки //
Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1 : Лексическая семантика. М., 1995.
С. 36–55.

В статье Ю. Д. Апресян в общих чертах описывает устройство лингвистической модели «Смысл ↔ Текст». Именно понимание этого – самого общего – устройства и является целью вашего чтения. На лекции мы обсуждали эти вопросы, но пример, который мы разбирали, можно назвать задачей минимального уровня сложности. В реальности задачи, на решение которых ориентированы подобные лингвистические модели, имеют значительно более сложный характер. Вы должны понять, почему это так (почему задачи имеют более сложный характер), в чем это проявляется и как с помощью соответствующего устройства модели осуществляется их решение.

Как мы обсуждали на лекции, в основе лингвистических моделей подобного типа лежит моделирование языковой способности человека. Необходимо понимать, что это означает: как интерпретируется языковая способность человека по отношению к данным моделям и за счет чего осуществляется моделирование?

Кроме того, необходимо уяснить, как со всем этим связана идея синонимии естественного языка (автор особо останавливается на этом вопросе). Что понимается под синонимией? Почему именно это? Почему синонимия важна для разработки подобных моделей? Как этот факт проявляется в устройстве моделей?

Напомню, что модель состоит из трех компонентов:

- 1) анализ (= переход от поверхностной структуры к глубинной);
- 2) метаязык семантического описания (= язык «чистого смысла»);
- 3) синтез (= переход от глубинной структуры к поверхностной).

Автор в той или иной степени обсуждает все три компонента модели. Соответственно вы также – в большей или меньше степени – должны ориентироваться во всех трех компонентах.

- Необходимо понимать, что такое *метаязык семантического описания*, зачем он нужен и как устроен. Особо обратите внимание на следующие моменты:

- Что понимается под *семантическими множителями*?
- Что такое *синтаксис метаязыка*, в чем он может проявляться? Нужен ли он, на ваш взгляд?
- Что такое *правила преобразования значений* и зачем они нужны?

Кроме того, обратите, пожалуйста, внимание на тезис об универсальности базовых предложений.

- Необходимо понимать, что скрывается за словами *анализ* и *синтез*, с какими лингвистическими процедурами они связаны и почему, зачем нужны *словари анализа* и *синтеза*, *фильтры анализа* и *синтеза* и что это такое.

- Отдельного серьезного внимания заслуживает понятие *лексической функции*. Для чего, на ваш взгляд, введено это понятие? Какова его разрешающая сила (научная ценность)? Какие типы лексических функций существуют (*замены*, *параметры*)? Чем они отличаются? Как связано понятие лексической функции с идеей синонимии естественного языка? Выводит ли это понятие к какому-то новому осмыслению этой идеи? Привносит ли, на ваш взгляд, понятие лексической функции что-то новое в осмысление такого традиционного для лингвистики феномена, как лексическое значение? В чем сходство лексических параметров и грамматических значений? (Апресян особо подчеркивает, что это сходство существует.)

При обсуждении лексических параметров Апресян приводит большое количество разнообразных примеров (*Oper*, *Fanc*, *Labor* и пр.). Обращаю ваше внимание, что здесь важно понять саму идею, а примеры следует воспринимать как материал, способствующий вашему пониманию. Иными словами, запоминать примеры не нужно – необходимо понять суть подхода.

Что касается функционирования модели, обратите внимание на то, как благодаря лексическим функциям достигается формализация описания перехода от глубинной структуры ко всем возможным поверхностным.

- В качестве одного из способов формализации языковой информации очень любопытна предлагаемая исследователями «модель управления» – свод информации обо всех семантических валентностях данного слова и возможных в языке способах их выражения. В чем, на ваш взгляд, разрешающая сила этого способа описания? Для осмысления этого вопроса необходимо вспомнить, что такое семантическая валентность и какова ее роль в организации семантики слова и контекстного окружения.

Таким образом, основная задача нашего чтения – понять поровневый характер устройства модели и принципы перехода от одного уровня семантического толкования к другому, а также то, какими лингвистическими «инструментами» это достигается.

В заключение – для тренировки теоретико-методологических умений – предлагаю подумать над таким общим вопросом: как вам кажется, сформированное в модели «Смысл ↔ Текст» описание языка следует связывать исключительно со структуральной традицией или в нем можно усмотреть черты «новой» парадигмы языкознания?

Кроме того, хочу еще раз обратить ваше внимание (мы об этом говорили на лекции), что идеи, разрабатываемые создателями модели «Смысл ↔ Текст» – модели, ориентированной, казалось бы, на прикладные задачи, – оказались очень важны в теоретическом отношении. Впоследствии эти идеи будут положены в основу концепции московской семантической школы (МСШ). После изучения темы, связанной с современной семантикой, вы должны понимать, в чем состоит теоретическая значимость идей, положенных в основу модели «Смысл ↔ Текст», и видеть взаимосвязь концепций авторов модели и исследователей МСШ. Эта информация легко осознается, в частности, при сопоставлении обсуждаемой работы Апресяна и его же статьи «О московской семантической школе»,

предлагаемой к прочтению в рамках темы по современной семантике (см. тему «Современная семантика»). Обратите внимание, например, на такие аспекты теории, как раскладка на семантические множители (что раскладывается и почему именно это?), толкование значения в рамках сентенционной (ситуационной) формы, изучение закономерностей сочетаемости и др.

Психолингвистика

Фрумкина Р. М. Когнитивная лингвистика, или «Психолингвистика наоборот»? // Фрумкина Р. М. Психолингвистика. М., 2003. С. 251–267.

В этой статье Р. М. Фрумкина размышляет о месте психолингвистики в современном научном контексте, о ее роли и статусе, о соотношении двух направлений – «старой» психолингвистики и «новой» когнитивной лингвистики. В своих рассуждениях исследовательница отталкивается от точки зрения П. Б. Паршина, по мнению которого психолингвистика и когнитивная лингвистика – методологически противопоставленные науки: психолингвистика нацелена на проверку лингвистических гипотез психологией, а когнитивная лингвистика – на проверку психологических гипотез лингвистикой. Фрумкина, оценивая справедливость такой точки зрения, особо сосредоточивается на проблеме статуса психолингвистики как таковой, самой по себе (для нее это важно, так как вопрос о статусе обоих направлений оказывается, кроме всего прочего, аксиологически нагруженным), а затем пунктирно намечает некоторые проблемы соотношения двух направлений друг с другом. Таким образом, наше осмысление этого текста предполагает решение ряда задач, связанных с собственно психолингвистикой, и ряда задач, связанных с соотносением двух направлений – психолингвистики и когнитивной лингвистики (к последней проблеме стоит вернуться после обсуждения темы «Когнитивная лингвистика»).

- При осмыслении статуса психолингвистики как таковой подумайте, пожалуйста, над следующим:

– В чем заключается проблема неопределенного статуса психолингвистики как особой области знаний сейчас, по сравнению с предшествующим периодом? Почему вообще на рубеже XX и XXI вв. возможно было появление такой статьи – статьи, осмысляющей статус уже довольно давно, казалось бы, сложившегося направления?

– Насколько четким и определенным был статус психолингвистики раньше? Имела ли место и раньше проблема неопределенности статуса психолингвистики? Если да, то в чем, как вам кажется, она заключалась?

– Каков смысл фразы Паршина о том, что в психолингвистике лингвистические гипотезы проверяются психологией. Что это значит? Так ли это? О каких гипотезах идет речь?

– Что сама Р. М. Фрумкина понимает под психолингвистикой? (Психолингвистика как определенная предметная область и психолингвистика как исследовательский пафос – в чем разница?) Нравится ли вам такой подход?

• После освоения темы «Когнитивная лингвистика» в связи с осмыслением соотношения психолингвистики и когнитивной лингвистики предлагается подумать над следующими вопросами:

– Согласны ли вы с точкой зрения Паршина о методологическом противопоставлении психолингвистики и когнитивной лингвистики? Почему? Можете ли вы развернуть его тезис? А объяснить свою позицию? К чему приходит Фрумкина, анализируя точку зрения Паршина?

– Есть ли, на ваш взгляд, у психолингвистики какие-то свои задачи, не соотносимые с когнитивной лингвистикой, а у когнитивной лингвистики – свои, не соотносимые с психолингвистикой? А есть ли у наук общее предметное поле? Можно ли, на ваш взгляд, провести четкую границу между этими направлениями или пересечения между ними неизбежны? Если неизбежны, то почему?

– Имеет ли вообще смысл размежевание психолингвистики и когнитивной лингвистики, с вашей точки зрения? Почему?

Для выработки своей точки зрения на специфику обоих направлений и их соотношение полезно, на мой взгляд, проанализиро-

вать приводимые Фрумкиной исследовательские программы (исследования А. Вежбицкой, изучение речи ребенка, изучение разговорной речи и языка глухих) на предмет присутствия в них психолингвистического и когнитивного подходов. Попробуйте это сделать.

Ономасиология (теория номинации)

1. Ономасиология // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 345–346.

Этот текст не обязателен для прочтения (поскольку на лекции довольно подробно обсуждалось, в чем суть ономасиологии) и не выносится на коллоквиум, но тем не менее очень полезно обратить на него свое внимание. Здесь сжато дается наиболее общая информация по проблеме, поэтому он особо рекомендуется тем, кто не был на лекции, и тем, кто хочет убедиться в правильности своего понимания вопроса.

Кроме того, чтение текста будет очень полезно тем, кто знаком с выражением «ономасиологический подход к анализу лексики» и пытается понять, как связано это выражение с теорией номинации.

В современной науке ономасиологию рассматривают 1) как область лексической семантики (имеется в виду соответствующая наука) и 2) как теорию номинации. На лекции нас в большей степени интересовал второй подход (теория номинации). Полагаю, некоторые из вас слышали и о первом. В частности, обычно он обсуждается в курсе лексикологии современного русского языка, когда рассказывается, что существуют противопоставленные друг другу семасиологический и ономасиологический подходы к анализу лексики. Понимание ономасиологии как части лексической семантики (противопоставленной семасиологии) как раз и связано с ономасиологическим подходом к анализу лексики. При этом ономасиологический аспект исследования семантики оформился на базе достижений теории номинации. (Иными словами, ономасиология как теория номинации закономерно породила ономасиологию как часть лексической семантики.) Таким

образом, два понимания термина *ономасиология* взаимосвязаны. В предлагаемой статье как раз и рассматриваются оба эти подхода и делается акцент на их единстве. Несмотря на то, что нас сейчас в большей степени интересует ономасиология как теория номинации, понимание взаимосвязи этих подходов – чрезвычайно полезная вещь.

Таким образом, ваша основная задача при чтении этого текста – понять, в чем суть ономасиологии.

2. Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977. Гл. 1 : Лингвистическая сущность и аспекты номинации (авт.: А. А. Уфимцева, Э. С. Азнаурова, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия)¹.

Широко известная в отечественной науке книга «Языковая номинация. Общие вопросы» – это коллективная монография. Из данной книги предлагается прочитать частично одну главу – самую первую. В тексте много отсылок к марксистско-ленинской философии – пусть это вас не смущает. Конечно, это дань времени, но вместе с тем они там вполне уместны и совершенно не нарушают общего замысла, так что постарайтесь, пожалуйста, не относиться к этому обстоятельству с предубеждением.

Это весьма сложный текст, поэтому не пугайтесь, если будет понятно не все (но тем не менее надо пытаться понять). Поскольку текст непростой, для обязательного чтения предлагается не вся глава, а только первые 30 страниц – это базовая часть. (Самые смелые и подготовленные могут, конечно, прочитать всю главу целиком – и даже всю книжку. Это только приветствуется.) Основная задача при чтении – понять, в чем видится предмет исследования в теории номинации и почему важно изучать, как в процессе номинации отражается факт познания мира человеком.

В принципе мы обо всем этом с вами говорили на лекции, но научная мощь и изящество этого текста столь велики, что было бы непростительной ошибкой не познакомить вас с ним.

¹ Перед прочтением этого текста настоятельно рекомендуется ознакомиться с текстом лекции или с приведенной выше статьей из ЛЭС.

Попытайтесь в ходе чтения прочувствовать и осознать разрешающую силу (продуктивность), могущество и красоту концепции, которая выступает не в качестве какой-то частной научной идеи, а как теория, вскрывающая закономерности взаимоотношения человеческого сознания и окружающей действительности, скорее даже человеческого сознания и бытия (как бы пафосно это ни звучало). При этом выясняется, что роль языка в формировании этих взаимоотношений сложно переоценить: язык есть необходимое условие и инструмент для формирования этих взаимоотношений, а это, в свою очередь, существенно расширяет и обогащает наши взгляды на природу языка и на его роль для развития человеческого сознания. К сожалению, за два наших аудиторных занятия выйти к этим вопросам в полной мере невозможно, однако предлагаемый текст предоставляет счастливую возможность исправить эту ситуацию. (Отмечу также, что в связи со всем изложенным выше, этот текст чрезвычайно полезен для понимания темы «Когнитивная лингвистика».)

Кроме того, в тексте нашли отражение следующие известные нам по лекции моменты (постарайтесь их там обнаружить):

– тезис о трех аспектах номинации: 1) гносеологическом, 2) семиотическом и 3) собственно лингвистическом. Страницы с 19-й по 37-ю посвящены выяснению сущности гносеологического и семиотического аспектов. Постарайтесь понять, о чем здесь ведется речь, почему можно (и нужно) выделять эти аспекты, в чем их суть. Из той части главы, которая посвящена собственно лингвистическому аспекту, в обязательном порядке предлагается изучить только общие посылки (с. 37), но этого, на мой взгляд, достаточно для того, чтобы в общих чертах понять, в чем суть лингвистического аспекта. Попытайтесь самостоятельно – на базе имеющейся лингвистической подготовки – развить эти мысли. (Кроме того, лингвистический аспект номинации обсуждался на лекциях, и мы еще раз вернемся к нему – в том или ином виде – в теме «Когнитивная лингвистика».);

– тезис о двух типах языкового означивания (= о двух типах знаков): собственно языковые знаки и речевые знаки;

– тезис о том, что язык позволяет вскрыть процесс идеализации предметного мира сознанием;

– тезис о том, что язык а) обозначает и б) отображает действительность; следует очень четко представлять себе, что именно стоит за этими словами и как именно это происходит;

– тезис о том, что мышление и язык имеют деятельностный и творческий характер;

– мысль о том, что без номинативного аспекта изучения языка невозможно объяснить речетворчество говорящих (т. е. объяснить творческий характер языковой деятельности – в терминологии Хомского и психолингвистики). Для уяснения этой мысли очень полезно проанализировать с позиций ономаσιологического подхода приводимое в тексте высказывание В. Скалички: «Говорение есть сочетание языка с новой реальностью».

Помимо всего сказанного, текст также дает возможность (наряду с приведенной выше статьей из ЛЭС) узнать, что в рамках лексической семантики существуют два подхода к изучению лексики – семасиологический и ономаσιологический – и попытаться понять, в чем их отличие (с. 19).

И, возможно, по ходу чтения вы обратите внимание на еще один интересный момент: номинативную функцию выполняют не только слова, но и высказывания (= предложения, включенные в конситуацию). Это так называемые *п р е д и к а т и в н ы е* номинации. Почему можно говорить о том, что они тоже выполняют номинативную функцию? Потому что все высказывание в целом есть название/обозначение какой-то ситуации.

Совершенно ясно, что за однократное (и даже двукратное) чтение «вытащить» из этого текста все имеющиеся там мысли невозможно, но общую идею осознать необходимо. Проверить себя можно по трем вопросам:

1. Что предполагают семиотический, гносеологический и лингвистический аспекты номинации?

2. Как связаны слово и идеальный образ предмета? Слово и реальный предмет?

3. Почему для ономаσιологии так важно обращать внимание на речевые факты (а не только на языковые)?

Если вы ответили, значит, все в порядке.

Языковая картина мира

1. Бенвенист Э. *Rex* // Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1970. С. 249–253. (Это первая глава из первой книги «Царская власть и ее prerogatives» второго тома «Власть. Право. Религия».)

2. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000. Введение, § 1 : Семантика и сочетаемость. Когнитивный аспект. С. 7–27.

Обе работы иллюстрируют обсуждавшийся на лекции подход к языку, связанный с пониманием того, что есть языковая картина мира, а также с реконструкцией последней.

Работа Э. Бенвениста представляет собой пример первой – из обсуждавшихся на лекции – интерпретации понятия языковой картины мира, т. е. тот подход к проблеме, который мы назвали «диахронным». Как мы говорили, диахронный подход опирается, прежде всего, на ономастиологию, но также использует и семасиологические данные (анализ лексического значения слов и пр.).

Как уже рассказывалось на лекции, эта замечательная книга в целом посвящена попытке воссоздать по данным языка мир представлений индоевропейца о таких жизненных сферах, как *хозяйство, семья, общество, власть, право, религия*. В этом смысле название «Словарь социальных терминов» очень условно и просто призвано отразить те лексические тематические сферы, с которыми работает автор. Чтобы уяснить суть всего происходящего в работе, очертим в двух словах общую методику исследования. Поскольку индоевропейский праязык письменно не зафиксирован, он нуждается в реконструкции. Реконструкцию автор производит на базе индоевропейских языков, так или иначе зафиксированных в ходе лингвистической истории. Таким образом, автор анализирует данные различных индоевропейских языков (латинского, санскрита, кельтского, греческого, балтийских, славянских и пр.), пытаясь воссоздать на базе этого многообразия а) лексический факт индоевропейского праязыка и б) то представление его носителей-индоевропейцев, которое стоит за этим фактом.

Из книги Бенвениста вам предлагается прочитать одну из самых маленьких (но не менее замечательных, чем все остальные) главок, где автор пытается по языковым данным выяснить, что скрывалось для индоевропейца за понятиями ‘царь’ и ‘царская власть’. Вероятно, вы помните, что *rex* – это ‘царь’ по-латински. На базе фактов древних языков, в том числе и латинского, Бенвенист восстанавливает эту основу как индоевропейскую (т. е. существовавшую еще в индоевропейском праязыке) и пытается выяснить в ходе семантического анализа, какую семантику несла на себе эта основа в древности и какова же в связи с этим внутренняя форма (этимологическое значение, мотивационный признак)² предполагаемого индоевропейского деривата *rex* ‘царь’.

Обратите, пожалуйста, внимание на то, какие методы и какие аргументы использует автор, восстанавливая соответствующие представления, и как он это делает. Мною были замечены следующие методы и приемы:

а) экстралингвистические аргументы: правило боковых ареалов;

б) лингвистические методы:

– поиск этимологии;

– семантическая реконструкция. Имеется в виду, что автор ищет/уточняет значение реконструированной индоевропейской основы: это он делает на базе семантики слов, сохранившихся в различных индоевропейских языках, а также на базе контекстного анализа (= семантического анализа слов в контекстах);

– пытается выявить признак, который лег в основу индоевропейской номинации царя, и проинтерпретировать характер этого признака.

Итак, текст Бенвениста – это пример первого – диахронного – подхода к понятию языковой картины мира.

Работа Е. В. Рахилиной – это монография, посвященная конкретной семантической проблеме – характеру сочетаемости особого класса слов. Но во введении автор затрагивает проблему языковой картины мира, поскольку ей это необходимо для решения

² Будьте внимательны: сам Э. Бенвенист не пользуется этими терминами.

собственных семантических задач. Предлагаемая здесь интерпретация понятия языковой картины мира – это второй подход к проблеме, который на лекции мы условно назвали «синхронным». Напомним, что при таком подходе весь язык (языковая система и правила ее функционирования) мыслится как особым образом организованная система наивных знаний о мире. С помощью языка эти знания хранятся и транслируются. (По словам самой Рахилиной, языковая картина мира (в этом, втором, смысле) – это «тот образ действительности, который человек имеет в виду, когда говорит и понимает».)

Наша задача – уяснить, чем отличается это понимание языковой картины мира от всех остальных. Необходимо также освоить следующие, используемые автором понятия: *салиентность*, *антрополоцентричность языка*, *прототипическое устройство языка*, *языковая* и *энциклопедическая информация*. Какую роль эти понятия играют в концепции языковой картины мира?

Обратите, пожалуйста, внимание на факт близости, с точки зрения автора, концепции языковой картины мира и концепции когнитивного анализа языка. Этот тезис проливает дополнительный свет как на понимание феномена языковой картины мира, так и на понимание того, что есть когнитивный подход к языку. Таким образом, этот текст важен нам и для понимания проблематики, получившей название «когнитивная лингвистика». В связи с этим попытайтесь, пожалуйста, проинтерпретировать перечисленные выше понятия (*салиентность*, *прототипическое устройство языка* etc), а также и само понятие языковой картины мира в рамках когнитивного аспекта. На ваш взгляд, эти понятия значимы для когнитивного подхода? Почему?

Тартуско-московская семиотическая школа

По этой теме предлагается прочитать несколько работ Ю. М. Лотмана, в которых формулируются и развиваются основные положения концепции тартуско-московской семиотической школы. На лекции эти положения подробно разбирались, поэтому плацдарм для чте-

ния подготовлен. Тем не менее остановлюсь еще раз на общеметодологической стороне концепции, задав определенные векторы для размышления.

Мы говорили, что тартуско-московская семиотическая школа – это феномен не собственно лингвистический, а гораздо более широкий – филологический, культурологический и семиотический. В связи с этим мы задались вопросом, зачем рассматривать столь своеобразное явление в курсе по языкознанию. Как уже было сказано, дело в том, что по целому ряду соображений его очень полезно рассмотреть именно сквозь «лингвистическую призму». Прежде всего, очень любопытно, как ведет себя направление, базирующееся на структурализме, т. е. на идеях старой научной парадигмы, в новых научных условиях: какие структуралистские идеи являются значимыми, как они развиваются, какими новациями, созвучными новациям эпохи, обрастают. Любопытно оценить научную значимость и продуктивность этих идей, этой методологии: насколько они позволяют решать проблемы, насколько серьезное приращение научного знания они дают, ставят ли какие-то ограничения.

Помните работу Бахтина и Волошинова, которую мы изучали в рамках темы по эпистемологии? Напомню, что авторы подвергают жесткой критике именно структуралистский подход к языку (по их терминологии – *абстрактный объективизм*), предполагая, что это «откат» назад, по сравнению с предшествующими методами лингвистической работы. (Считается, что авторы явно недооценили разрешающую силу структурального метода, вместе с тем здоровое зерно в их критике, безусловно, может быть обнаружено.) Представителями же тартуско-московской семиотической школы структуральный подход применяется не только к явлениям языковой системы, но к гораздо более широкой и разнообразной сфере человеческой жизни – к явлениям культуры. В связи со всем сказанным очень любопытно посмотреть, насколько оправдан такой подход, насколько он обогащает результаты научного поиска или, может быть, совсем наоборот – искажает представления об объекте исследования.

Поскольку вся методика тартуско-московской семиотической школы базируется на семиотическом и структуральном подходе, который применяется к явлениям культуры, значит, лингвистические методы и лингвистический инструментарий экстраполируются здесь на анализ не собственно лингвистического материала. (Считается, что структуральная методология активно отрабатывалась именно на лингвистическом материале, т. е. лингвистика явилась в данном случае своеобразным полигоном для разработки структурально-семиотического подхода. Впоследствии это расширило возможности изучения других семиотических систем, не только языка.) По аналогии с языковым инструментарием в концепции тартуско-московской семиотической школы появляются и активно используются такие понятия, как *знак* (= культурный знак), *знаковая система* (= культура как знаковая система), *текст* (= культурный текст), но применяются они по отношению к культуре и культурным феноменам. В этом плане любопытно посмотреть, насколько полезна и продуктивна такая экстраполяция лингвистического инструментария, насколько изоморфны лингвистическое и соответствующее «культурное» понятие, в чем специфика того или иного «культурного» понятия по сравнению с лингвистическим, имеет ли вообще смысл такая экстраполяция, т. е. дает ли это что-то новое и полезное для науки или явления языка и культуры столь различны, что применение к культуре подхода, аналогичного тому, что применяется к языку, лишь «затуманивает» все дело.

- Теперь о конкретном содержательном наполнении предлагаемых работ. Прежде чем читать статьи, полезно вспомнить ключевые идеи тартуско-московской семиотической школы. Это поможет вам при чтении ориентироваться сразу на два уровня осмысления – более общий и более детальный, конкретный; увидеть ту или иную общую идею и вместе с тем ее возможный конкретный «разворот» в тексте, заполнить необходимыми деталями «матрицу» из имеющихся общих представлений.

Поскольку ключевые идеи подробно обсуждались на лекциях, здесь они только перечисляются.

1. Семиотический подход к явлениям культуры. Понимание культуры как семиотической системы.

2. Особое понимание текста, которое вырастает из семиотического подхода к культуре.

3. Текст, культура и сознание как феномены, соотносимые по принципу организации.

4. Семиотика (= семиотическая система) как картина мира.

5. Идея семиосферы.

Работы

1. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб., 1994. Введение: Быт и культура. С. 5–16.

Если вы не были на лекции или если вы не совсем уверены в том, что в полной мере понимаете суть семиотического подхода к явлениям культуры, то очень полезно начать чтение с работы Лотмана. Этот текст представляет собой необходимую базу для дальнейшего чтения. На коллоквиум он не выносится.

2. *Лотман Ю. М.* Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 129–132.

3. *Лотман Ю. М.* Текст и функция // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 133–142.

4. *Лотман Ю. М.* Текст и полиглотизм культур // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 142–147.

Эти три работы посвящены семиотическому подходу к культуре и понятию культурного текста.

5. *Лотман Ю. М.* Мозг – текст – культура – искусственный интеллект // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 25–33.

Статья про структурное и функциональное сходство таких явлений, как мозг, культурный текст и культура, а также про возможность/невозможность создания искусственного интеллекта.

6. *Лотман Ю. М.* О семиосфере // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 11–24.

В этой статье Лотманом вводится и подробно разбирается понятие семиосферы: необходимо уяснить, что за ним стоит.

В заключение комментариев еще один вопрос для размышления: считается, что тартуско-московская семиотическая школа как научный феномен пришла к своему логическому завершению. Как вы думаете, так ли это? И если так, то почему это случилось?

Специфика современной парадигмы языкознания

По этой проблеме предлагается прочитать последнюю, четвертую часть (она же «Заключение») уже известной статьи Е. С. Кубряковой, которую читали в рамках тем «Лингвистическая эпистемология» и «Генеративная грамматика Н. Хомского».

Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) (IV. Заключение: отличительные парадигмальные черты современной лингвистики) // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 206–230.

Четвертая часть читается гораздо легче, чем все предыдущие. Надо обратить внимание на то, с какими сложностями связано решение вопроса о специфике современной парадигмы в лингвистике. Также необходимо уяснить, какими видятся автору основные черты современной лингвистики, и понять, что стоит за каждой чертой, характеризующей современное состояние языкознания.

Эти черты мы вкратце обсудили на лекции:

– **экспансионизм**. Необходимо иметь в виду, что самый главный признак экспансионизма – это расширение предметной области науки, снятие ограничения с очерчивания предмета исследования. Все остальное, что связано с обсуждаемой характеристикой современной парадигмы, – это следствия из этого обстоятельства;

– **антропоцентризм**. Важно помнить, что об антропоцентризме в лингвистике говорят в двух аспектах: 1) антропоцентризм науки, научного подхода; 2) антропоцентризм языка (= язык устроен антропоцентрически). Необходимо понимать, что стоит за каждым аспектом, и отделять их друг от друга;

– **функционализм**. Эта черта была характерна для структурализма. Необходимо понимать, в чем ее современная специфика. Ранее функционализм предполагал изучение того, какие функции тот или иной элемент выполняет в системе языка. Современная трактовка функционализма расширяет границы этого явления и предполагает изучение того, какие функции элемент выполняет в системе так, *что вся система оказывается в результате этого способной выполнять свои собственные функции* (прежде всего, когнитивную и коммуникативную, но и другие, конечно, тоже);

– **экспланаторность** (= объяснительность). Необходимо осознать, почему эта черта выделяется в качестве специфической при характеристике современной парадигмы, так как, вообще говоря, стремление к объяснительности должно быть неотъемлемым свойством науки на любом этапе ее развития. Таким образом, надо четко понимать, в чем специфика этого термина применительно к современной лингвистике.

На экзамене необходимо приводить примеры при характеристике каждой черты современной лингвистики, уметь интерпретировать то или иное направление в зависимости от наличия/отсутствия этих черт, понимать, как эти черты связывают современную лингвистику с предыдущими эпохами (откуда они берут начало и как развиваются), чем они отличаются от аналогичных характеристик предыдущих эпох. Объем ваших представлений о парадигмальных чертах должен стать таким, чтобы на экзамене вы могли об одной конкретной черте рассуждать не менее 10 минут, а лучше дольше. Среди экзаменационных вопросов есть вопросы, предлагающие раскрыть специфику той или иной отдельной парадигмальной характеристики. Предполагается, что это весьма обширные теоретические вопросы общего характера.

Когнитивная лингвистика

На лекции говорилось, что когнитология (когнитивная наука) изучает, как происходит процесс познания и как хранится знание в голове человека. Когнитивная лингвистика связывает эту пробле-

матику с языком и занимается соотносением друг с другом структур языка и структур сознания. Мы обсудили с вами, что для когнитивной лингвистики оказываются важными три больших блока проблем:

- изучение ментальных структур и ментальных механизмов, которые стоят за структурами языка;

- изучение структур языка, логики их организации; выяснение вопроса, как устроен язык и почему именно так;

- изучение того, как языковые структуры влияют на речевую и мыслительную деятельность. (И влияют ли вообще?)

Мы убедились, что любой уровень языка, в частности грамматический, может быть изучен в рамках когнитивного аспекта.

В рамках темы по когнитивной лингвистике предлагается почитать работы, посвященные именно когнитивной грамматике. Напомню: когнитивная грамматика связана с осмыслением того факта, что процесс познания действительности человеком должен был найти отражение и на уровне грамматической системы языка в том числе. Собственно, с этих позиций грамматическая система и анализируется.

Я остановилась на материале по когнитивной грамматике, потому что, на мой взгляд, это небанальный и «продвинутый» вариант чтения по данной теме. Это уже не базовая часть курса, как когнитивная семантика – в виде проблем категоризации и концептуализации, а «надстройка» над ней. Идеи когнитивной грамматики не столь однозначно интерпретируемы и требуют от читателя самостоятельных размышлений. Иными словами, это высший пилотаж. Думаю, вы уже готовы к такому повороту.

В общих чертах когнитивная грамматика обсуждалась на лекции. А теперь хорошо было бы ознакомиться с конкретными примерами подобных подходов. Об одном из конкретных примеров такого рода мы с вами говорили – это когнитивные размышления Е. С. Кубряковой об организации системы частей речи. Но желательно, чтобы вы сами прочитали этот текст, потому что рассуждения автора несколько шире, чем я очертила на лекции (я пере-

дала только основную суть). Кроме того, всегда полезно получать информацию из первых рук. Надеюсь, оригинальный источник позволит увидеть вам больше, чем моя интерпретация. (Вместе с тем я посчитала правильным проанализировать этот текст на лекции, потому что он довольно сложный, автор пишет непросто, да и проблема не из легких. Я надеюсь, что моя интерпретация поможет вам посмотреть на текст в целом и глубже постичь его суть.)

Вторая работа, которую предлагается прочитать, на лекции не обсуждалась. Это глава из учебника В. А. Плуногяна по общей морфологии, посвященная устройству такой грамматической категории, как падеж. Плуногян пишет очень легко, поэтому текст вы прекрасно поймете и без моих лекционных комментариев. Еще раз обращаю ваше внимание, что Плуногян написал учебник по общей морфологии для вузов, а не монографию по когнитивной грамматике. Между тем нет сомнений, что его подход пронизан когнитивным пафосом. И вот такой поворот сам по себе – это чрезвычайно любопытное явление в современном языкознании.

Последний момент: почему я выбрала именно категорию падежа? Мне показалось, что она самая загадочная. Ведь так с ходу и не скажешь, на какой семантической (когнитивной) базе могло возникнуть в языке столь странное явление, как падежная система. Откуда она появилась и, главное, зачем? И что за ней вообще стоит – в плане концептуализации мира?

Таким образом, нужно прочитать две работы: текст Плуногяна про падежную систему и текст Кубряковой про части речи.

Осталось только напомнить, что когнитивная грамматика пока не является ни традиционной, ни хоть сколько-нибудь устоявшейся областью лингвистики. Я бы сказала, что на сегодняшний день это весьма спорное направление, которое только делает свои первые шаги.

Работы

1. Плуногян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2003. Ч. 2 : Элементы грамматической семантики, гл. 2 : Основные синтаксические граммы имени, § 2 : Падеж. С. 161–184.

Вам необходимо понять, как устроена категория падежа, т. е. какие два параметра ее определяют (семантический и синтаксический), как организована их «работа» и взаимодействие; а также, как живет и эволюционирует в языке эта категория (категория падежа).

В а ж н ы й м о м е н т. Необходимо понять и уметь объяснить, почему мы рассматриваем эту теорию в рамках когнитивного направления: в чем здесь когнитивизм? (Сам Плунгян вряд ли бы стал относить себя к когнитивистам.)

2. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Из этой работы надо прочесть две части. В книге они следуют друг за другом. Хотя это и две разные части, но посвящены они одной и той же проблеме – просто рассматривают разные ее аспекты. (Обратите внимание, что отсканированы обе части в один файл.)

Текст трудный, поэтому нет задачи понять все досконально. Задача в другом: необходимо постараться уяснить общую суть проблемы, общую суть предлагаемой теории. Для облегчения этой задачи ниже приводятся вопросы, на которые я советую ориентироваться при чтении.

2.1. Разд. 1 : На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения, ч. 2 : Материалы к новой теории частей речи, гл. 4 : Заключительные замечания о системе частей речи и новых аспектах в методике ее исследования. С. 170–188.

При чтении постарайтесь сконцентрироваться на следующих вопросах:

1. Почему в истории лингвистики возникал вопрос о наличии / отсутствии концептуальных (= семантических) оснований для системы частей речи? Как автор доказывает, что эти концептуальные основания существуют?

2. Как интерпретируется система частей речи с когнитивных позиций?

3. Какие есть способы реализации когнитивного «подтекста» системы частей речи на поверхностном уровне того или иного языка? (То есть как по внешней языковой форме понять, что перед нами разные части речи? Как носители языка это понимают?)

4. Почему можно считать систему частей речи одной из основополагающих языковых структур (по отношению к когнитивной деятельности человека и по отношению к отражению этой деятельности в языке)? (Другими словами, какие типы фактов «завязаны» на системе частей речи?)

5. Что нового привносит в науку когнитивный подход по сравнению с традиционным описанием системы частей речи? Насколько он продуктивен, значим, необходим?

Текст весьма тяжелый, но если вы сможете ответить на эти вопросы, то суть его вы поняли. Итак, прежде всего, ваша задача – суметь ответить на вопросы.

2.2. Разд. 1, ч. 3 : Описание системы частей речи в когнитивном плане, гл. 1 : Семантика и функции словообразовательных процессов как источник сведений о когнитивных основаниях частей речи. С. 189–210.

Эта часть работы отсканирована с серьезными купюрами – в силу сложности текста: по максимуму убраны все отступления от основной линии. Таким образом, хоть страниц и много, но самого текста в отсканированном варианте гораздо меньше.

По прочтении этой части вы должны суметь ответить на следующие вопросы:

1. Как мыслится автором формирование категорий частей речи в ходе развития языка и в ходе развития человеческого сознания?

2. Откуда берутся «неправильные» единицы (= «отклонения») в рамках той или иной части речи? Каковы языковые механизмы появления «неправильных» единиц?

3. Каковы причины, «запускающие» эти языковые механизмы? (= Каковы причины появления «неправильных» единиц?)

Еще раз повторюсь, что настоячиво предлагаю читать текст с ориентацией именно на эти вопросы, искать в нем ответы. Это существенно облегчит его понимание.

■ Кроме того, в свете ваших новых знаний о когнитивной лингвистике имеет смысл вернуться к размышлению над проблемой, поставленной в работе Р. М. Фрумкиной, которая предлагалась к прочтению в рамках темы «Психолингвистика», о соотношении в современной науке двух направлений – психолингвистики и когнитивной лингвистики. (См. комментарии к соответствующей теме.)

Прагматика

1. *Апресян Ю. Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // *Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография.* М., 1995. С. 135–155.

2. *Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В.* Истоки, проблемы и категории прагматики. Вступительная статья // *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16 : Лингвистическая прагматика.* М., 1985. С. 3–43. (За исключением пятой части, посвященной проблеме пресуппозиций.)

Возможно, при чтении комментариев вам будет полезно воспользоваться материалами ряда статей из Лингвистического энциклопедического словаря (ЛЭС).

3. Прагматика // *ЛЭС. М., 1990. С. 389–390 ;* Логическое направление в языкознании // *Там же. С. 273–275 ;* Дискурс // *Там же. С. 136–137.* (Эти тексты на коллоквиум не выносятся.)

На лекции мы обсуждали, что существует узкое и широкое понимание прагматики. Узкое понимание предполагает изучение функционирования языковых знаков в речи, широкое – психологическое, когнитивное, социальное и культурное исследование коммуникации. На занятиях мы в основном уделяли внимание узкому пониманию, т. е. собственно лингвистической прагматике. В таком повороте есть особый интерес, так как это дает лингвистический инструмент для осмысления явлений из соответствующей предметной области.

Вместе с тем для понимания сути прагматики и места этого явления в жизни человека очень полезно посмотреть на нее более широко. Кроме того, широкий вариант интерпретации интересен

еще и своим хронологическим приоритетом по отношению к узкому: именно благодаря этому варианту прагматика попала в поле зрения исследователей и получила дальнейшее развитие – вплоть до узкого варианта интерпретации. Таким образом, знание того, что есть прагматика в широком смысле, позволяет глубже понять причины появления научного интереса к этому явлению, его природу, выражающуюся в неразрывной связи с человеческой психикой и естественными законами коммуникации.

Для чтения вам предлагается две работы: статья Ю. Д. Апресяна и статья Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой. Обе работы, согласно установкам авторов, носят обзорный характер. Статья Апресяна посвящена прагматике в узком смысле слова (что видно уже из ее названия), точнее, не всей прагматике, а некоторым ее проявлениям. Работа Арутюновой и Падучевой представляет собой вступительную статью к 16-му выпуску широко известного сборника «Новое в зарубежной лингвистике», содержащему подборку статей зарубежных авторов, посвященных в основном прагматике в более широком ее понимании, нежели мы видим у Апресяна. При создании вступительной статьи авторы отталкивались именно от такого – более широкого – понимания прагматики. При этом свою задачу они видели в создании у читателя общей картины прагматического направления в науке – в соответствии с тем, что оно представляло собой в этот период.

Иными словами, Арутюнова и Падучева создают «эскиз» общей картины явления, Апресян – уточняет, наполняет подробностями одну из ее составляющих. При чтении вам необходимо будет понять, как устроена «картина» в целом и как все (т. е. описываемые в обеих работах) явления связаны между собой.

Для того чтобы подготовиться к чтению статьи Арутюновой и Падучевой, имеет смысл вспомнить (или уточнить), каковы в самых общих чертах истоки прагматики в ее широкой интерпретации. Подобное знание очень полезно для понимания общей сути этого явления. Кроме того, работа Арутюновой и Падучевой наполнена отсылками – явными и неявными – к соответствующему историко-лингвистическому контексту. Речь идет об изучении

логического аспекта естественного языка в ряде логико-философских школ в конце XIX – начале XX в. Это направление представлено такими именами, как Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Р. Карнап и др. Напомню, что логический аспект в данном случае связывался с изучением высказываний естественного языка с точки зрения их способности утверждать истинность какого-либо положения дел. (Способность утверждать истинность положения дел – это действительно одна из функций высказываний. Она проявляется, например, при объективной передаче той или иной информации.) Такой исследовательский интерес, вообще говоря, был вполне естествен (хоть и не исключено, что на сегодняшний день он может показаться несколько странным): мы обсуждали, что он продолжает идущую еще с древности линию логицизма в языкознании, когда язык и речь понимались как непосредственное отражение процессов «чистого» мышления, т. е. мышления, связанного, как сказали бы сегодня, с научным, а не с обыденным способом получения знания, мышления, работающего в рамках категорий научной логики и направленного на поиск истины. Параметр же истинности/ложности суждения играет для такого способа мышления основополагающую роль.

В ходе исследовательской работы постепенно выяснилось, что логика «чистого» мышления очень сильно отличается от обыденной логики, т. е. от той, которой оперирует обыденное сознание. Стало понятно также, что именно обыденная логика лежит в основе естественного языка и естественной коммуникации. Проиллюстрируем эту разницу конкретными примерами. Скажем, фраза *«Все поэты бледны»* с точки зрения «чистой» логики предполагает тот факт, что в мире не существует ни одного небледного поэта. С точки зрения же обыденной логики она означает, скорее, что-то типа *«Считается, что все поэты бледны»* или *«Бледность характерна для поэтов»* и т. п., и, таким образом, совершенно не является строгим отрицанием факта существования в мире небледных поэтов. Ср. также пример, приводимый в статье Арутюновой и Падучевой: *«У Ивановых двое детей»*. С точки зрения обыденной логики эта фраза означает, что у Ивановых именно два ребенка –

не больше и не меньше; с позиции же «чистой» логики за этой фразой стоит знание, что детей не меньше двух, но не исключено, что больше.

Таким образом, стало понятно, что высказывания в естественной жизни строятся по каким-то иным, специфическим законам: те или иные смыслы могут быть выражены неявно, скрыты или каким-то особым образом, они могут быть вообще не выражены, но при этом поняты слушающим (как, например, в случае, что у Ивановых т о л ь к о двое детей) и т. д. Кроме того, стало ясно, что конкретный способ выражения смыслов говорящим и понимание их слушающим очень зависят от контекста, от ситуации, в которой разворачивается общение. Несколько утрируя, можно сказать, что актуальной стала научная модель, при которой значения высказываний (и даже входящих в них слов) стали осмысляться исключительно в контексте их употребления, т. е. сами по себе – вне соотношения с соответствующим языковым значением. Иными словами, в понимании термина *значение* случился сдвиг от значения в системе языка к смыслу, проявляющемуся при употреблении, при использовании (см. в связи с этим у Арутюновой и Падучевой рассказ о полемике Н. Малькольма и Дж. Мура).

Очевидно, что все эти особенности естественной коммуникации должны быть отнесены к разряду отношений «знак – пользователь», потому что они появляются автоматически с появлением говорящего (= пользователя), т. е. человека, «запускающего» процесс естественной коммуникации. Пользователь, владеющий – осознанно или неосознанно – законами естественной коммуникации, автоматически «включает» эту свою способность в ходе речевого общения, создавая тем самым соответствующие речевые эффекты. Таким образом, все эти феномены образуют прагматику – в ее широком понимании. Очевидно также, что все эти феномены и характер их проявлений обусловлены целым рядом обстоятельств – далеко не только лингвистического свойства: устройством человеческой психики, культурной спецификой, социальными регламентациями, устройством естественного языка etc. Таким образом, все эти явления не могут быть осмыслены и описаны только в рамках линг-

вистической науки, несмотря на то, что проявления такого рода в большой степени связаны именно с речью и релевантны для лингвистики.

Кроме того, из всего сказанного вытекает, что основной прагматической категорией оказывается категория субъективности: это означает, что все прагматические проявления могут быть осмыслены как результат некой субъективной настройки «объективного языка». Эта субъективная настройка «автоматически» включается уже самим фактом использования языка говорящим – в силу соответствующего устройства психики и специфики законов естественной коммуникации.

Таким образом, круг явлений, объединяющихся в рамках прагматики, чрезвычайно разнороден. Вместе с тем в целом ряде случаев сама система языка предоставляет возможности для реализации разнообразных прагматических установок, предлагая носителю языка целый ряд соответствующих средств – дейктическую систему; фонетические, грамматические, лексические единицы, включающие в свое значение прагматический компонент, связанный с отношением говорящего; разнообразие выбора при реализации номинативных намерений etc. В этом случае мы имеем дело с прагматикой в узком смысле слова. Однако здесь сразу следует вспомнить, что переход от узкой прагматики к широкой весьма размыт и не обнаруживает, пожалуй, четкой границы – в силу многогранности и многоаспектности такого феномена, как человеческий язык.

Вернемся к предлагаемым работам. Итак, основная задача при чтении текстов – сформировать для себя наборы представлений, связанных с широким и с узким пониманием прагматики, а также соотнести две прочитанные работы между собой. Для этого тексты удобно читать именно с ориентацией на их сопоставление. Надо иметь в виду, что оба текста не дают (и не претендуют на это) идеальной – стройной и полной – систематизации прагматических фактов, поэтому наша задача заключается не в доскональном анализе приводимых подходов, а в общем осознании описываемой проблематики.

Статья Апресяна не должна вызвать трудностей при чтении, а вот **работа Арутюновой и Падучевой** нуждается в комментариях. Как уже было сказано, их работа очерчивает некоторые имеющиеся в прагматике предметные области и определяет конкретные задачи прагматического подхода.

Первая часть работы посвящена осмыслению сдвига лингвистического описания от семантики к прагматике. Другими словами, здесь представлено объяснение того, как зародился и развивался прагматический подход в лингвистике, как сформировалась прагматическая теория значения. (Для понимания содержания этой части стоит учесть приведенные выше комментарии об истоках прагматического подхода. Кроме того, о прагматической теории значения шел разговор на лекции – соотнесите, пожалуйста, этот лекционный материал с первой частью статьи.)

Вторая часть статьи посвящена дейксису. Обратите внимание на возможные варианты статуса слов, семантика которых предполагает наличие наблюдателя, а также на возможность расширения понятия «дейксис» в зависимости от характера интерпретации последнего (ср. представления о дейктичности антропонимов, кванторов, модальных слов).

В третьей части обсуждается дискурс как прагматизированная форма текста. Подумайте, как связаны прагматика и дискурс и почему вообще имеет смысл вводить в науку понятие дискурса. В чем особенность этого явления?

В четвертой части в поле зрения оказываются нормы речевого поведения (= некоторые законы естественной коммуникации). В частности, именно о законах естественной коммуникации идет речь в упоминавшихся на лекции постулатах П. Грайса.

Кроме того, подумайте, пожалуйста, как в контексте прагматического подхода можно интерпретировать приводимую в статье мысль о том, что речевую деятельность следует рассматривать как одну из форм жизни. Как связать эту мысль с развитием прагматического подхода?

Современная семантика

1. Апресян Ю. Д. О московской семантической школе // Вопр. языкознания. 2005. № 1. С. 3–30.

Московская семантическая школа (МСШ) – одно из ведущих современных отечественных семантических направлений. Школа предлагает новую своеобразную концепцию семантического описания лексических единиц, которая дает целый ряд значимых приращений в области теоретической семантики, в частности, в сфере представлений об устройстве семантической системы языка на лексическом уровне.

Описание семантики ведется в рамках синхронного подхода к языку. Объектом исследования и описания является лексический уровень современного русского языка. Под семантикой подразумевается содержание, передаваемое с помощью языка в процессе коммуникации. То есть люди разговаривают на языке, а семантика – это те смыслы, которые они при этом передают друг другу языковыми средствами, передают как целенаправленно, так и неосознанно. (В этом идея «синхронного» подхода к семантике. Возможен еще «диахронный» подход, который изучает развитие семантической системы языка: исследуются закономерности в появлении новых значений, изучается развитие полисемии, проводится семантическая реконструкция первичных состояний, восстанавливаются признаки, легшие в основу той или иной номинации (ономасиология и семантический аспект этимологии) и т. п. МСШ этим НЕ занимается, за некоторыми исключениями, о которых не стоит сейчас упоминать.)

В рамках подхода МСШ изучаются: организация смыслов, передаваемых при коммуникации, семантические возможности конкретного языка (современного русского, прежде всего), общие принципы организации лексической семантики в языке, общие принципы организации семантической системы языка, прежде всего, на лексическом уровне и т. п., – другими словами, изучаются различные закономерности в области организации языковой семантики в связи с процессом языковой коммуникации.

Предлагаемая статья Ю. Д. Апресяна – это фактически программная статья основателя и ведущего специалиста МСШ, объясняющая суть этого подхода и базовые положения концепции. Статья весьма объемна, но хорошо структурирована. Она замечательна тем, что в ней особо выделены положения общего характера (это для нас очень важно), но, кроме того, она полна частных, которые автор приводит здесь в основном с пояснительно-иллюстративными целями. Наша задача – освоить общие положения, т. е. понять, что для исследователей стоит за тем или иным тезисом.

Необходимо понять:

- как связана МСШ с моделью «Смысл ↔ Текст»;
- каковы исследовательские цели и задачи школы.

Надо уметь объяснить суть исследовательских принципов МСШ, таких как:

- 1) синхронный подход к описанию семантики;
- 2) описание семантики в рамках модели языковой способности человека (Что это значит? Почему можно так считать? В чем это проявляется?);
- 3) принцип интегральности (нужно уметь своими словами объяснить, в чем суть принципа, а также понять, в чем суть приводимого Апресяном примера про родительный падеж при отрицании в русском языке.);
- 4) установка на реконструкцию языковой картины мира (Как понимается языковая картина мира в рамках подхода МСШ?);
- 5) внимание к синонимическим средствам языка (В чем это проявляется? Почему для подхода МСШ это важно?);
- 6) описание определенного языкового материала (прежде всего глаголов и разного рода модальных слов) (Почему именно этот?);
- 7) описание семантики с помощью метаязыка семантического описания (Что это за метаязык? На базе чего он строится? Какая от него польза? Что такое *системообразующий смысл* (= *семантический примитив*)? Как выявляются семантические примитивы?);
- 8) толкование семантики конкретного слова в рамках *ситуационной* (= *сентенционной*) *формы* (Что это за способ толкования? Почему он так называется? В чем разрешающая способность

(= ценность, значимость, научная продуктивность) этого приема? Имеет ли такой подход практическое значение? Кажется ли он вам удачным?);

9) принцип размещения информации в словарной статье (Подумайте, в чем отличие от дефиниций традиционных словарей. Хорошо это или плохо?);

10) понимание лексики как системы: а) классификационной (Что это значит?); б) операциональной (Что это значит?).

- Какие словарные продукты МСШ вам известны?
- Попробуйте оценить подход МСШ: какие вы видите преимущества в таком описании семантики? Какие новации? Какие достижения? Какие недостатки? Видите ли вы какую-нибудь практическую пользу такого подхода? А есть ли польза в теоретическом плане? Это важно, на ваш взгляд? Почему?

2. *Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 466–483.*

В этой статье проще и понятнее, чем в предыдущей, описано понятие семантического примитива, его специфика в рамках подхода МСШ и в целом устройство метаязыка семантического описания.

Кроме того, необходимо понять:

– В чем сходство и в чем отличие подходов МСШ и Анны Вежбицкой к описанию значения на базе метаязыка и к пониманию семантических примитивов?

– Какова природа примитивов по Вежбицкой и по МСШ? В чем кардинальное различие? Чья позиция, на ваш взгляд, более доказательна?

– Что есть семантические примитивы, на ваш взгляд, – научная модель (способ описания семантики) или психическая реальность?

■ В свете полученных знаний о концепции МСШ полезно вернуться к работе Ю. Д. Апресяна о модели «Смысл ↔ Текст» и сопоставить теоретические идеи того и другого направления. Мы обсуждали ранее, что идеи модели «Смысл ↔ Текст» легли в основу

концепции МСШ, теперь же вы можете подумать об этом, четко представляя позицию последователей. (См. комментарии к соответствующей теме.)

К экзамену. Проблематика, связанная с концепцией московской семантической школы, распределена по трем экзаменационным вопросам. Это не означает, что вы должны знать досконально все детали концепции, описываемые в статье Апресяна. Вы должны иметь представление об основных идеях МСШ и понимать их суть. («Основных идей» у этого направления такое количество, что вполне хватит на развернутые и полноценные ответы ко всем трем вопросам.) Кроме того, вы должны уметь сопровождать эти идеи какими-либо показательными примерами, суть которых вы тоже понимаете.

СПИСОК ТЕКСТОВ К КОЛЛОКВИУМУ

Алпатов В. М. Критика лингвистического структурализма / В. М. Алпатов // Алпатов В. М. История лингвистических учений : учеб. пособие. М., 1998. Разд. : Лингвистические идеи книги «Марксизм и философия языка». С. 267–272.

Апресян Ю. Д. Модель «Смысл ↔ Текст» и история ее разработки / Ю. Д. Апресян // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1 : Лексическая семантика. М., 1995. С. 36–55.

Апресян Ю. Д. О московской семантической школе / Ю. Д. Апресян // Вопр. языкознания. 2005. № 1. С. 3–30.

Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах / Ю. Д. Апресян // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 466–483.

Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря / Ю. Д. Апресян // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 135–155.

Арутюнова Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики. Вступительная статья / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 3–43. (За исключением пятой части, посвященной проблеме presuppositions.)

Бенвенист Э. Рех / Э. Бенвенист // Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1970. С. 249–253.

Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 144–238.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. М., 2004. Разд. 1 : На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения, ч. 2 : Материалы к новой теории частей речи, гл. 4 : Заключительные замечания о системе частей речи и новых аспектах в методике ее исследования. С. 170–188 ; ч. 3 : Описание системы частей речи в когнитивном плане, гл. 1 : Семантика и функции словообразовательных процессов как источник сведений о когнитивных основаниях частей речи. С. 189–210.

Лотман Ю. М. Мозг – текст – культура – искусственный интеллект / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 25–33.

Лотман Ю. М. О семиосфере / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 11–24.

Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 129–132.

Лотман Ю. М. Текст и полиглотизм культур / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 142–147.

Лотман Ю. М. Текст и функция / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 133–142.

Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику / В. А. Плунгян. М., 2003. Ч. 2 : Элементы грамматической семантики, гл. 2 : Основные синтаксические граммы имени, § 2 : Падеж. С. 161–184.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. М., 2000. Введение, § 1 : Семантика и сочетаемость. Когнитивный аспект. С. 7–27.

Уфимцева А. А. Лингвистическая сущность и аспекты номинации / А. А. Уфимцева, Э. С. Азнаурова, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977. С. 7–37.

Фрумкина Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? / Р. М. Фрумкина // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 74–95.

Фрумкина Р. М. Когнитивная лингвистика, или «Психолингвистика наоборот»? / Р. М. Фрумкина // Фрумкина Р. М. Психолингвистика. М., 2003. С. 251–267.

ЗАДАНИЯ ДЛЯ ДОМАШНИХ ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ

Всемирный фонд моральной
поддержки научно-исследовательских
проектов по языкознанию :)

ЗАЯВКА на конкурс научно-исследовательских проектов молодых талантливых ученых

1. Фамилия, имя, отчество руководителя проекта.
2. Предполагаемый размер научного коллектива.
3. Срок выполнения проекта (= продолжительность проекта).
4. Название проекта.
5. Область языкознания, в которой выполняется проект (заполняется по прил. 1).
6. Научные проблемы, на решение которых направлен проект. Сфера использования проекта.
7. Содержание проекта (конкретно); предлагаемые методы и подходы.
8. Ожидаемые результаты. Общий план работ на весь срок выполнения проекта.
9. Современное состояние данной области науки, существующие подходы к решению поставленной проблемы (если есть), наличие отечественных и/или зарубежных аналогов, место предлагаемого проекта в современном научном контексте.
10. Имеющийся у коллектива научный задел по проекту (*факультативно*).
11. Перечень средств, которые необходимо приобрести для успешного выполнения проекта (*факультативно*).
12. Способы представления результатов выполнения проекта научной общественности (*факультативно*).
13. Дополнительные возможности реализованного проекта: другие (неосновные) сферы использования проекта, научно-исследовательские и прикладные перспективы и т. п. (*факультативно*).

Приложение 1

К конкурсу допускаются заявки только по следующим областям языкознания:

1. Лингвистическая эпистемология.
2. Генеративизм и генеративные грамматики.
3. Модели искусственной языковой способности.
4. Психолингвистика.
5. Ономастиология.
6. Языковая картина мира.
7. Подходы тартуско-московской семиотической школы.
8. Когнитивная лингвистика.
9. Прагматика.
10. Семантика (подходы кон. XX – нач. XXI в.).

Приложение 2

Правила заполнения и подачи заявок

Один руководитель проекта не может подавать в экспертный совет более чем одну заявку по одной и той же области языкознания. В противном случае заявки не рассматриваются.

Объем заявки – 2,5–4 страницы. Заявка оформляется 12-м кеглем через 1 интервал. В первой строке пишется заголовок: «Заявка на конкурс научно-исследовательских проектов». Далее раскрывается содержание пунктов: для каждого пункта сначала пишется его номер и название, а затем текст, раскрывающий содержание этого пункта.

Пункты 6–9 являются наиболее значимыми для решения вопроса о поддержке проекта.

Заявка может оформляться в бумажном или электронном виде. Заявки на бумажных носителях подаются в экспертный совет на кафедру общего языкознания (к. 306) О. В. Мищенко, заявки в электронном виде отсылаются на адрес экспертного совета: olgamishchenko@yandex.ru

По всем непонятным вопросам можно обращаться к О. В. Мищенко лично либо писать на электронный адрес экспертного совета. Более подробную информацию об указанных областях языкознания можно получить на лекциях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Вид экспертизы: ЭКСПЕРТИЗА НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКО-ГО ПРОЕКТА

1. Фамилия, имя, отчество эксперта.
2. Фамилия, имя, отчество руководителя проекта.
3. Название проекта.
4. Область языкознания, в которой выполняется проект.
5. Замечания эксперта относительно названия проекта. Соответствие проекта заявленной области языкознания.
6. Научная актуальность рассмотренного проекта (актуален/неактуален и почему).
7. Научная новизна и оригинальность проекта (есть/нет и аргументировать свою позицию). (С точки зрения новизны и оригинальности анализируются цели, задачи, материал, предлагаемые методы и подходы и пр.). Разрешающая способность (= продуктивность, способность решать научные проблемы) предлагаемого проекта.
8. Оценка предполагаемых результатов проекта.
9. Место предлагаемого проекта в современном научном контексте (*точка зрения эксперта*).
10. Наличие дополнительных возможностей проекта: другие (неосновные) сферы использования проекта, научно-исследовательские и прикладные перспективы и т. п. (*точка зрения эксперта*).
11. Дополнительные замечания эксперта (*факультативно*). В этом пункте могут делаться замечания относительно:
 - размера научного коллектива;
 - сроков выполнения проекта;
 - плана работ;
 - имеющегося у коллектива научного задела по проекту;
 - средств, которые необходимо приобрести для успешного выполнения проекта;
 - способов представления проекта научной общественности;
 - другие.
12. Общее заключение эксперта (= вывод).

Правила работы эксперта

Глубокоуважаемые эксперты!

Напоминаем вам, что к конкурсу допускаются заявки только по следующим областям языкознания:

1. Лингвистическая эпистемология.
2. Генеративизм и генеративные грамматики.
3. Модели искусственной языковой способности.
4. Психолингвистика.
5. Ономазиология.
6. Языковая картина мира.
7. Подходы тартуско-московской семиотической школы.
8. Когнитивная лингвистика.
9. Прагматика.
10. Семантика (подходы кон. XX – нач. XXI в.).

Если проект не соответствует указанным областям знаний, он снимается с конкурса.

Проекты на экспертизу можно получить на кафедре общего языкознания у О. В. Мищенко (к. 306). Экспертиза проектов, полученных в иных местах или иными способами, считается недействительной.

Объем экспертного заключения – $3 \pm 0,5$ страниц. Заключение оформляется 12-м кеглем через 1 интервал. В первой строке пишется заголовок: «Заключение эксперта. Экспертиза научно-исследовательского проекта». Далее раскрывается содержание пунктов: сначала пишется номер пункта и его название, а затем текст, раскрывающий содержание этого пункта.

Пункты 5–10 являются основными при решении вопроса о научной значимости оцениваемого проекта.

Заключение может оформляться в бумажном или электронном виде. Заключения на бумажных носителях передаются в экспертный совет на кафедру общего языкознания (к. 306) О. В. Мищенко, заключения в электронном виде следует отправлять на адрес экспертного совета: olgamishchenko@yandex.ru. Если проект, экспертизу которого вы проводили, был на бумажных носителях, вам следует вернуть его в экспертный совет сразу же по окончании экспертизы.

По всем непонятным вопросам можно обращаться к О. В. Мищенко лично либо писать на электронный адрес экспертного совета. Более подробную информацию об указанных областях языкознания можно получить на лекциях.

ПРИМЕРНЫЙ СПИСОК ВОПРОСОВ К ЭКЗАМЕНУ

1. Эпистемология науки. Эпистемологические поиски в лингвистике. Задачи лингвистической эпистемологии.
2. Понятие научной парадигмы в применении к лингвистической науке. Смена научных парадигм в истории языкознания.
3. Объект науки. Предмет науки. Понятие научной модели. Научная модель в лингвистике.
4. Черты «генеративной» (постструктуральной) научной парадигмы. Роль генеративизма в истории лингвистики.
5. Генеративная грамматика Н. Хомского. Современная оценка теории.
6. Теория врожденной языковой способности Н. Хомского. Современная оценка теории.
7. Возможные исследовательские подходы в рамках генеративизма, разное понимание задач генеративной грамматики. Модель «Смысл ↔ Текст» как вариант отечественной генеративной модели: специфика подхода, проблемы и результаты.
8. Психолингвистика как одно из ведущих направлений лингвистики 1960–1980-х гг. Преемственность в психологическом подходе к языку. Теоретическая база такого подхода. Соотношение понятий *язык*, *речь* и *языковая способность* в истории языкознания.
9. Круг интересов психолингвистики 1960–1980-х гг.: цели, задачи, подходы; широта проблематики. Современный этап развития психолингвистики.
10. Советская психолингвистическая традиция.
11. Зарубежные психолингвистические традиции: американская психолингвистика, западноевропейская психолингвистика.
12. «Следы» различных психолингвистических традиций в современном (постгенеративном) языкознании.
13. Ономазиология (теория номинации) как одна из сфер интересов лингвистики 1970–1980-х гг. Предмет исследования ономазиологии. Семиотический, гносеологический и лингвистический аспекты номинации. Черты «новой» (= постструктуральной и постгенеративной) лингвистики в теории номинации.

14. Интерес лингвистики к проблематике, связанной с языковой картиной мира. Варианты интерпретаций понятия *языковая картина мира*. Примеры исследований такого рода. Продолжение этой линии в современной лингвистике.

15. Дискуссия вокруг понятия *языковой картины мира*. Проблемы, связанные с использованием этого понятия в лингвистике. Аргументы за и против.

16. Трудности лингвистического анализа при подходе, связанном с экспликацией фрагментов картины мира: проблема искажений, возможных в ходе исследования, и способы ее преодоления.

17. Тартуско-московская семиотическая школа: история, сфера научных интересов. «Лингвистическая» составляющая в исследованиях школы: методология, терминология, проблема изоморфности языка и культуры, научные достижения и пр. Понятие текста в семиотике культуры: специфика, основные свойства. Художественный текст, текст, созданный с помощью языка того или иного искусства как семиотическая проблема.

18. Семиотика культуры Ю. М. Лотмана. Разрешающая способность такого методологического подхода. Соотносимость феноменов *текст, культура и сознание*. Понятие семиосферы.

19. Кризис лингвистики конца 80-х гг.: причины и следствия. Поиски путей выхода из кризиса. Необходимость развития эпистемологической базы в лингвистике.

20. «Генеративная» и «постгенеративная» парадигмы в языкознании: своеобразие и преемственность.

21. Специфика современной (постгенеративной) парадигмы языкознания: характерные черты, методология.

22. Экспансионизм в современной лингвистике: характеристика и примеры проявления.

23. Антропоцентризм в современной лингвистике: характеристика и примеры проявления.

24. Функционализм в современной лингвистике: характеристика и примеры проявления.

25. Экспланаторность в современной лингвистике: характеристика и примеры проявления.

26. Когнитивная лингвистика как особое лингвистическое направление и как общий пафос современных лингвистических исследований. Круг интересов когнитивной лингвистики.

27. Когнитивная семантика как одна из областей когнитивной лингвистики: проблемы, подходы, тенденции, оценка. Категоризация. Теории Э. Рош и Р. М. Фрумкиной.

28. Когнитивная семантика как одна из областей когнитивной лингвистики: проблемы, подходы, тенденции, оценка. Концептуализация: когнитивный и лингвокультурологический подходы.

29. Методы экспликации концепта по лингвистическим данным.

30. Когнитивная грамматика: проблемы, подходы, тенденции. Примеры «когнитивного» осмысления грамматических фактов. Оценка подхода.

31. Узкое и широкое понимание прагматики. Цели и предмет прагматических исследований. Принцип объединения различных исследовательских подходов в рамках прагматики. Научные дисциплины в рамках прагматики.

32. Соотнесение понятия антропоцентризма и эгоцентризма в языке. Доказательства эгоцентрической организации языка. Способы выражения субъективности говорящим. Специальные языковые средства для создания прагматического эффекта.

33. Изучение дейксиса в рамках прагматики. Понятие дейксиса. Основные свойства дейксиса. Проблемы лексикографического описания дейктических слов.

34. Теория речевых актов. Дайте оценку этой теории.

35. Семантика как одно из ведущих направлений современной лингвистики. Общие современные тенденции в изучении и описании языковой семантики.

36. Подходы к семантическому изучению и описанию языка в рамках деятельности московской семантической школы; исследовательские позиции школы. Ваша оценка этих подходов (интегральный подход к описанию языка; установка на реконструкцию языковой картины мира; сентенционная (=ситуционная) форма подачи значения и пр.).

37. Семантическое представление лексемы в концепции московской семантической школы и А. Вежбицкой: метаязык семантического описания, понятие семантического примитива, принципы подачи значений. Разрешающая способность такого семантического описания. Дискуссия в связи с понятием семантического примитива. Ваша точка зрения на эту проблему.

38. Представления о лексической системе языка в связи с достижениями московской семантической школы: лексика как классификационная система; лексика как операциональная система.

39. Методологические проблемы в лингвистике второй половины XX – начала XXI в.

40. Соотношение традиций и новаций в лингвистике второй половины XX – начала XXI в.

Учебное издание

ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Учебно-методическое пособие

Составитель
Мищенко Ольга Валерьевна

Зав. редакцией *М. А. Овечкина*
Редактор *Н. В. Чапаева*
Корректор *Н. В. Чапаева*
Компьютерная верстка *Г. Б. Головиной*

План изданий 2015 г. Подписано в печать 08.06.15.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 3,2. Усл. печ. л. 3,72. Тираж 80 экз. Заказ 217.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: + (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru

